

ВВЕДЕНИЕ

В редкую эпоху личная судьба человека была так тесно связана с историческими событиями — судьбами государств и народов, — как в годы жизни Пушкина. В 1831 г. в стихотворении, посвященном лицейской годовщине, Пушкин писал:

Давно ль друзья... но двадцать лет
Тому прошло; и что же вижу?
Того царя в живых уж нет;
Мы жгли Москву; был плен Парижу;
Угас в тюрьме Наполеон;
Воскресла греков древних слава;
С престола пал другой Бурбон (III, 879—880)¹.

Так дуновенья бурь земных
И нас нечаянно касались... (III, 277)

Ни в одном из этих событий ни Пушкин, ни его лицейские однокурсники не принимали личного участия, и тем не менее историческая жизнь тех лет в такой мере была частью их личной биографии, что Пушкин имел

¹ Сочинения Пушкина здесь и далее по всему изданию цитируются по Полному собранию сочинений в 16 томах (Изд-во АН СССР, 1937—1949; Большое академическое издание). Римской цифрой обозначается том, арабской — страница; цитирование произведений, названных в тексте, не оговаривается. В квадратные скобки заключено зачеркнутое Пушкиным, а в ломаные — читаемое на основании реконструкции (конъектуры).

полное основание сказать: «Мы жгли Москву». «Мы» народное, «мы» лицеистов («Мы возмужали...» в том же стихотворении) и «я» Пушкина сливаются здесь в одно лицо участника и современника Исторической Жизни.

Через полгода после рождения Пушкина, 9 ноября 1799 г. (18 брюмера VIII года Республики), генерал Бонапарт, неожиданно вернувшись из Египта, произвел государственный переворот. Первый консул, пожизненный консул и, наконец, император Наполеон, он оставался во главе Франции до военного поражения и отречения в 1814 г. Затем, через несколько месяцев, он на 100 дней восстановил свою власть и в 1815 г., после разгрома под Ватерлоо, был сослан на остров Св. Елены. Годы эти были для Европы временем непрерывных сражений, в которые начиная с 1805 г. была втянута и Россия.

В ночь с 11 на 12 марта 1801 г. на другом конце Европы, в Петербурге, также произошел государственный переворот: группа дворцовых заговорщиков и гвардейских офицеров ворвалась ночью в спальню Павла I и зверски его задушила. На престоле оказался старший сын Павла, двадцатичетырехлетний Александр I.

Молодежь начала XIX столетия привыкла к жизни на бивуаках, к походам и сражениям. Смерть сделалась привычной и связывалась не со старостью и болезнями, а с молодостью и мужеством. Раны вызывали не сожаление, а зависть. Позже, сообщая друзьям о начале греческого восстания, Пушкин писал про вождя его, А. Ипсиланти: «Отныне и мертвый или победитель принадлежит истории — 28 лет, оторванная рука, цель великодушная! — завидная участь» (XIII, 24). Не только «цель великодушная» — борьба за свободу, — но и оторванная рука (Ипсиланти, генерал русской службы, потерял руку — ее оторвало ядром — в сражении с Наполеоном под Лейпцигом в 1813 г.) может стать предметом зави-

сти, если она вводит человека в Историю. Едва успевая побывать между военными кампаниями дома — в Петербурге, Москве, родительских поместьях, — молодые люди в перерыве между походами не спешили жениться и погружаться в светские удовольствия или семейственные заботы: они запирались в своих кабинетах, читали политические трактаты, размышляли над будущим Европы и России. Жаркие споры в дружеском кругу влекли их больше, чем балы и дамское общество. Грянула, по словам Пушкина, «гроза 1812 года». За несколько месяцев Отечественной войны русское общество созрело на десятилетия. 15 августа 1812 г. (еще Москва не была сдана!) умная, образованная, но, вообще-то говоря, ничем не выдающаяся светская дама М. А. Волкова писала своей подруге В. И. Ланской: «Посуди, до чего больно видеть, что злодеи в роде Балашова (министр полиции, доверенное лицо Александра I. — Ю. Л.) и Аракчеева продают такой прекрасный народ! Но уверяю тебя, что ежели сих последних ненавидят в Петербурге так же, как и в Москве, то им несдобровать впоследствии»¹.

Война закончилась победой России. Молодые корни, прапорщики, поручики,

Которые, пусться в пятнадцать лет на волю,
Привыкли в трех войнах лишь к лагерю
да к полю (VII, 246,367), —

вернулись домой израненными боевыми офицерами, сознававшими себя активными участниками Истории и не хотевшими согласиться с тем, что будущее Европы должно быть отдано в руки собравшихся в Вене монархов, а России — в жесткие капральские руки Аракчеева.

Невозможность вернуться после Отечественной войны 1812 г. к старым порядкам широко ощущалась в об-

¹ *Калаш В. В.* Двенадцатый год в воспоминаниях и переписке современников. М., 1912. С. 253—254.

шестве, пережившем национальный подъем. Острый наблюдатель, лифляндский дворянин Т. фон Бок писал в меморандуме, поданном Александру I: «Народ, освещенный заревом Москвы, — это уже не тот народ, которого курляндский конюх Бирон таскал за волосы в течение десяти лет»¹. Характерен замысел трагедии «1812 год», который позже обдумывал Грибоедов: основным героем пьесы должен был стать крепостной М. (имени Грибоедов не определил), герой партизанской войны, который после победы должен «вернуться под палку господина». Наброски трагедии Грибоедов завершил выразительной репликой: «Прежние мерзости». М. кончал самоубийством. Стремление не допустить возвращения к «прежним мерзостям» «века минувшего» (выражение Чацкого) было психологической пружиной, заставлявшей вернувшихся с войны молодых офицеров, рискуя всем своим будущим, отказываясь от радостей, которые сулила полная сил молодость и блестяще начатая карьера, вступать на путь политической борьбы. Связь между 1812 г. и освободительной деятельностью подчеркивали многие декабристы. М. Бестужев-Рюмин, выступая на конспиративном заседании, говорил: «Век славы военной кончился с Наполеоном. Теперь настало время освобождения народов от угнетающего их рабства, и неужели Русские, ознаменовавшие себя столь блистательными подвигами в войне истинно Отечественной, — Русские, исторгшие Европу из-под ига Наполеона, не свергнут собственного ярма?»²

В 1815 г. в России возникли первые тайные революционные общества. 9 февраля 1816 г. несколько гвар-

¹ *Предтеченский А. В.* Записка Т. Е. Бока // *Декабристы и их время.* М.; Л., 1951. С. 193; подлинник по-французски, перевод публикатора. За свою записку Бок поплатился долгими годами крепости, позже покончил с собой в Вильянди.

² *Восстание декабристов.* М., 1950. Т. 9. С. 117.

дейских офицеров в возрасте двадцати — двадцати пяти лет — все участники Отечественной войны — учредили Союз спасения, открыв тем самым новую страницу в истории России. Победителям Наполеона свобода казалась близкой, а борьба и гибель за нее — завидными и праздничными. Даже суровый Пестель, к тому же находясь в каземате крепости и обращаясь не к единомышленникам, а к судьям и палачам, вновь переживал упоение свободой, вспоминая эти минуты: «Я сделался в душе республиканец и ни в чем не видел большего Благоденствия и высшего Блаженства для России, как в республиканском правлении. Когда с прочими членами, разделяющими мой образ мыслей, рассуждал я о сем предмете, то, представляя себе живую картину всего счастья, коим бы Россия, по нашим понятиям, тогда пользовалась, входили мы в такое восхищение и, сказать можно, восторг, что я и прочие готовы были не только согласиться, но и предложить все то, что содействовать бы могло к полному введению и совершенному укреплению и утверждению сего порядка вещей»¹.

Число членов тайного общества быстро росло, и в 1818 г. оно было реорганизовано в Союз благоденствия — конспиративную организацию, рассчитывавшую путем влияния на общественное мнение, давления на правительство, проникновения на государственные посты, воспитания молодого поколения в духе патриотизма, свободолюбия, личной независимости и ненависти к деспотизму подготовить Россию к коренному общественному преобразованию, которое предполагалось провести через десять — пятнадцать лет. Влияние Союза благоденствия было широким и плодотворным: в безгласной России, где любое дело считалось входящим в компетенцию правительства, а все входящее

¹ Восстание декабристов. М.; Л., 1927. Т. 4. С. 91.

в компетенцию правительства считалось тайным, члены Союза благоденствия явочным порядком вводили гласность. На балах и в общественных собраниях они открыто обсуждали правительственные действия, выводили из мрака случаи злоупотребления властью, лишая деспотизм и бюрократию их основного оружия — тайны. Декабристы создали в русском обществе не существовавшее дотоле понятие — общественное мнение. Именно оно обусловило то — новое в России — положение, о котором Грибоедов устами Чацкого сказал:

...нынче смех страшит, и держит стыд в узде.

Однако широкий размах деятельности и установка на гласность имели и слабые стороны: Союз благоденствия разбухал за счет случайных попутчиков, конспирация свелась почти на нет. К 1821 г. правительство имело уже в руках ряд доносов, дававших обширную информацию о тайном обществе. Сведения эти тем более встревожили императора, что утвердившийся после падения Наполеона реакционный порядок Священного союза европейских монархов трещал и рушился: волнения в немецких университетах, революция в Неаполе, греческое восстание, волнения в Семеновском полку в Петербурге, бунт в военных поселениях в Чугуеве под Харьковом — все это настраивало русское правительство на панический лад. Начались репрессии: были разгромлены Казанский и Петербургский университеты (после инквизиторского следствия были уволены лучшие профессора, преподавание ряда наук вообще запрещено; университеты стали напоминать смесь казармы и монастыря), усилились цензурные гонения, из Петербурга были высланы Пушкин и — несколько позже — поэт и декабрист полковник П. А. Катенин.

Собравшийся в этих условиях в 1821 г. в Москве нелегальный съезд Союза благоденствия, узнав о том,

что правительство имеет полные списки заговорщиков, объявил тайное общество ликвидированным. Но то был лишь тактический шаг: на самом деле вслед за первым решением последовало второе, которое восстанавливало Союз, но на более узкой и более конспиративной основе. Однако восстановление происходило негладко: тайное общество раскололось географически — на Юг и Север, политически — на умеренных, покидавших его ряды, и решительных, в основном молодежь, сменявшую лидеров первого этапа декабризма. В обстановке организационного развала приходилось бороться с настроениями пессимизма и выработать новую тактику. Правительство, казалось, могло торжествовать победу. Однако, как всегда, победы реакции оказались мнимыми: загнанное вглубь, общественное недовольство лишь крепче пустило корни, и к 1824 г. и Южное, и Северное общества декабристов вступили в период новой политической активности и непосредственно подошли к подготовке военной революции в России.

19 ноября 1825 г. в Таганроге неожиданно скончался Александр I. Декабристы давно уже решили приурочить начало «действия» к смерти царя. 14 декабря 1825 г. в Петербурге на Сенатской площади была сделана первая в России попытка революции. Картечные выстрелы в упор, разогнавшие мятежное каре, возвестили неудачу восстания и начало нового царствования и новой эпохи русской жизни.

Николай I начал свое правление как ловкий следователь и безжалостный палач: пятеро руководителей движения декабристов были повешены, сто двадцать — сосланы в Сибирь в каторжные работы. Новое царствование началось под знаком политического террора: Россия была отдана в руки политической тайной полиции: учрежденная машина сыска и подавления — III отделение канцелярии императора и жандармский

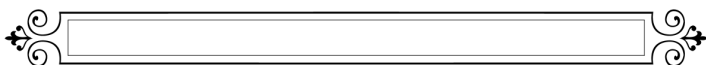
корпус — представляли как бы глазок в камере, через который царь наблюдал за заключенной Россией. Место грубого и малограмотного Аракчеева заняли более цивилизованные, более образованные, более светские Бенкендорф и его помощник Дубельт. Аракчеев опирался на палку, правил окриком и зуботычиной — Бенкендорф создал армию шпионов, ввел донос в быт. Если декабристы стремились поднять общественную нравственность, то Бенкендорф и Николай I сознательно развращали общество, убивали в нем стыд, преследовали личную независимость и независимость мнений как политическое преступление.

Однако остановить течение жизни невозможно. Николай I видел свою — как он считал, божественную — миссию в том, чтобы «подморозить» Россию и остановить развитие духа свободы во всей Европе. Он стремился подменить жизнь циркулярами, а государственных людей — безликими карьеристами, которые бы помогали ему, обманывая самого себя, создавать декорацию мощной и процветающей России. Историческое отрезвление, как известно, было горьким.

Но в обществе зрели здоровые силы. Вся мощь национальной жизни сосредоточилась в это время в литературе.

Такова была эпоха Пушкина.

ГЛАВА ПЕРВАЯ ГОДЫ ЮНОСТИ

Пушкин родился 26 мая 1799 г.¹ в Москве в доме Скворцова на Немецкой улице в семье отставного майора, чиновника Московского комиссариата Сергея Львовича Пушкина и жены его Надежды Осиповны (урожденной Ганнибал). Кроме него, в семье были старшая сестра Ольга и три младших брата. Пушкины были родовиты. В автобиографических заметках Пушкин писал: «Мы ведем род свой от прусского выходца *Радиш* или *Раши* (*мужа честна*², как говорит летописец, т. е. знатного, благородного), выехавшего в Россию во времена княжества св. Александра Ярославича Невского. От него произошли Мусины, Бобрищевы, Мятлевы, Поводовы, Каменские, Бутурлины, Кологривовы, Шерефединовы и Товарковы» (XII, 311). Родство со многими фамилиями коренного русского барства делало Пушкиных тесно связанными с миром и бытом той, «допожарной» (т. е. до пожара 1812 г.), Москвы, в которой говорили: «Родство люби счесть и воздай ему честь» и «Кто своего родства не уважает, тот себя самого унижает, а кто родных своих стыдится, тот чрез это сам срамится».

¹ Все даты даются по старому стилю.

² Здесь и далее по всему изданию курсив, принадлежащий автору цитируемого произведения, специально не оговаривается.

«Родословная матери моей еще любопытнее, — продолжал Пушкин. — Дед ее был негр, сын владетельного князька. Русский посланник в Константинополе как-то достал его из сераля, где содержался он аманатом (заложником. — *Ю. Л.*), и отослал его Петру Первому..» (XII, 311—312)¹. К концу XVIII в. Ганнибалы уже тесно переплелись кровными связями с русскими дворянскими родами — породнились с Ржевскими, Бутурлиными, Черкасскими, Пушкиными. Отец и мать поэта были родственники (троюродные брат и сестра).

Пушкины были весьма небогаты. Бесхозяйственные и недомовитые, они всю жизнь находились на грани разорения, в дальнейшем неизменно урезали материальную помощь сыну, а в последние годы его жизни и обременяли поэта своими долгами. У Сергея Львовича Пушкина барская безалаберность сочеталась с болезненной скупостью. Друг А. С. Пушкина П. А. Вяземский сохранил в своих записках сценку: «Вообще был он очень скуп и на себя, и на всех домашних. Сын его Лев, за обедом у него, разбил рюмку. Отец вспылил и целый обед проворчал. “Можно ли (сказал Лев) так долго сетовать о рюмке, которая стоит двадцать копеек?” — “Извините, сударь (с чувством возразил отец), не двадцать, а тридцать пять копеек”»².

¹ Предок Пушкина был не негр, а арап, т. е. эфиоп, абиссинец. Появление его при дворе Петра I, возможно, связано с более глубокими причинами, чем распространившаяся в Европе начала XVIII в. мода на пажей-арапчат: в планах сокрушения Турецкой империи, которые вынашивал Петр I, связи с Абиссинией — христианской страной, расположенной в стратегически важном районе, в тылу беспокойного египетского фланга Турции, — занимали определенное место. Однако затяжная Северная война не дала развиваться этим планам.

² А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1974. Т. 1. С. 154.

Семья принадлежала к образованной части московского общества. Дядя Пушкина Василий Львович Пушкин был известным поэтом, в доме бывали московские литераторы. Еще ребенком Пушкин увидел Карамзина, тогдашнего главу молодой русской литературы, слушал разговоры на литературные темы.

Воспитание детей, которому родители не придавали большого значения, было беспорядочным. Из домашнего обучения Пушкин вынес лишь прекрасное знание французского языка, а в отцовской библиотеке пристрастился к чтению (тоже на французском языке).

Наиболее разительной чертой пушкинского детства следует признать то, как мало и редко он вспоминал эти годы в дальнейшем. В жизни дворянского ребенка Дом — это целый мир, полный интимной прелести, преданий, сокровенных воспоминаний, нити от которых тянулись на всю дальнейшую жизнь. В воспоминаниях С. Т. Аксакова повествуется, как разлука с родителями и родным домом — его привезли из поместья родителей в казанскую гимназию — обернулась для ребенка недетской трагедией: жизнь вне дома казалась ему решительно невозможной. Детство Л. Н. Толстого не было идиллично (разлад между родителями, долги и легкомыслие отца, его странная смерть), и, однако, глубоко прочувствованные строки посвятил он в повести «Детство» миру первых воспоминаний, родному дому, матери. Детство Лермонтова было изуродовано тяжелой семейной трагедией, он вырос, не зная подлинной семьи, в обстановке вражды между ближайшими родственниками. И все же он пронес через всю жизнь поэзию детства и родного Дома:

Наружно погружась в их блеск и суету,
Ласкаю я в душе старинную мечту,
Погибших лет святые звуки...
<...>

И вижу я себя ребенком: и кругом
Родные всё места: высокий барский дом
И сад с разрушенной теплицей...¹

Образ же Отца — опозитизированный и трагический, вопреки реальным биографическим фактам, — вошел в романтический мир Лермонтова.

Пушкин легко покинул стены родного дома и ни разу в стихах не упомянул ни матери, ни отца. Упоминания же дяди Василия Львовича скоро стали откровенно ироническими. И при этом он не был лишен родственных чувств: брата и сестру он нежно любил всю жизнь, самоотверженно им помогая, сам находясь в стесненных материальных обстоятельствах, неизменно платил безо всякого ропота немалые долги брата Левушки, которые тот делал по-отцовски беспечно и бессовестно переваливал на Пушкина. Да и к родителям он проявлял больше внимания, чем они к нему. Тем более бросается в глаза, что, когда в дальнейшем Пушкин хотел оглянуться на начало своей жизни, он неизменно вспоминал только Лицей — детство он вычеркнул из своей жизни². Он был человек без детства.

А когда внутреннее развитие подвело Пушкина к идее Дома, поэзии своего угла, то это оказался совсем не тот

¹ Лермонтов М. Ю. Соч.: В 6 т. М.; Л., 1954. Т. 2. С. 136.

² Это особенно заметно в тех редких случаях, когда литературная традиция заставляла его вводить в поэзию тему детства. Так, в лицейское «Послание к Юдину» Пушкин вводит черты реального пейзажа села Захарова, с которым были связаны его детские воспоминания. Однако образ автора, который мечтает над Горацием и Лафонтеном, с лопатой в руках возделывает свой сад, в собственном доме за мирной сельской трапезой с бокалом в руках принимает соседей, конечно, насквозь условен и ничего личного не несет: Пушкин бывал в Захарове с 1806 по 1810 г., т. е. между семью и одиннадцатью годами, и поведение его, конечно, не имело ничего общего с этой литературной позой. Редким случаем реальных отзвуков детских впечатлений является стихотворение «Сон» (1816). Но характерно, что здесь упоминается не мать, а нянька («Ах! умолчу ль о мамушке моей...»).

дом (или не те дома), в которых он проводил дни детства. Домом с большой буквы стал дом в Михайловском, дом предков, с которым поэт лично был связан юношескими воспоминаниями 1817 г. и годами ссылки, а не памятью детства. И под окном этого дома сидела не мать поэта, а его крепостная «мама» Арина Родионовна.

Детство, однако, слишком важный этап в самосознании человека, чтобы его можно было бы вычеркнуть, ничем не заменив. Заменой мира детства, мира, к которому человек, как правило, обращается всю жизнь как к источнику дорогих воспоминаний, мира, в котором он узнает, что доброта, сочувствие и понимание — норма, а зло и одиночество — уродливое от нее отклонение, для Пушкина стал Лицей. Представление о Лицее как о родном доме, о лицейских зрителях как старших, а о лицеистах как товарищах, братьях окончательно оформилось в сознании поэта в середине 1820-х гг., когда реальные лицейские воспоминания уже слились в картину сравнительно далекого прошлого, а гонения, ссылки, клевета, преследовавшие поэта, заставили его искать опору в идиллических воспоминаниях. В 1825 г. он писал:

Друзья мои, прекрасен наш союз!..
Он, как душа, неразделим и вечен —
Неколебим, свободен и беспечен
Срастался он под сенью дружных муз.
Куда бы нас ни бросила судьбина,
И счастье куда б ни повело,
Всё те же мы: нам целый мир чужбина;
Отечество нам Царское Село (II, 425).

Но сложившийся в эти годы в сознании Пушкина идеализированный образ Лицея во многом отличался от документальной реальности.

Лицей был учебным заведением, повторившим в миниатюре судьбу и характер многих реформ и начинаний «дней александровых прекрасного начала»: блестящие

обещания, широкие замыслы при полной непродуманности общих задач, целей и плана. Размещению и внешнему распорядку нового учебного заведения уделялось много внимания, вопросы формы лицейстов обсуждались самим императором. Однако план преподавания был не продуман, состав профессоров — случаен, большинство из них не отвечало по своей подготовке и педагогическому опыту даже требованиям хорошей гимназии. А Лицей давал выпускникам права окончивших высшее учебное заведение. Не было ясно определено и будущее лицейстов. По первоначальному плану, в Лицее должны были воспитываться также младшие братья Александра I — Николай и Михаил. Мысль эта, вероятно, принадлежала Сперанскому, которому, как и многим передовым людям тех лет, внушало тревогу то, как складывались характеры великих князей, от которых в будущем могла зависеть участь миллионов людей. Подростающие Николай и Михаил Павловичи свыклись с верой в безграничность и божественное происхождение своей власти и с глубоким убеждением в том, что искусство управления состоит в «фельдфебельской науке». В 1816 г. человек, далекий от либеральных идей, но честный вояка и патриот, генерал П. П. Коновницын, которому Александр I поручил в 1815 г. наблюдение за своими братьями во время их пребывания в армии, видимо, не случайно счел необходимым дать великим князьям письменное наставление: «Если придет время командовать Вам частями войск <...> старайтесь улучшать положение каждого, не требуйте от людей невозможного. Доставьте им прежде нужный и необходимый покой, а потом уж требуйте точного и строго исполнения истинной службы. Крик и угрозы только что раздражают, а пользы Вам не принесут».

В Лицее великие князья должны были воспитываться в кругу сверстников, в изоляции от двора. Здесь им